

Валентина СОЛОГУБ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ
ДЕЯТЕЛИ
РОССИИ

Редакционная коллегия журнала назвала лауреатов «Приза «ТЖ»-87».

Ими стали:

драматург Юрий Мирошниченко (автор пьес «Арап Петра Великанова», «Зверь-Машка», «Пещерная бабка»); Николай Чиндяйкин, режиссер Омского драматического театра

(постановщик спектакля

«Не играйте с архангелами»);

Александр Дзекун, главный режиссер

Саратовского драматического театра

имени К. Маркса

(постановщик спектаклей

«Мастер и Маргарита»,

«14 Красных Избушек»);

Вячеслав Кокорин, режиссер

Иркутского ТЮЗа имени Н. Охлопкова

(постановщик спектаклей

«Высокое напряжение»,

«Сон в летнюю ночь»);

Рафкат Исрафилов, художественный

руководитель Башкирского

драматического театра

имени М. Гафури

(постановщик спектакля

«Старший сын»);

Людмила Липовская,

художник Горьковского

кукольного театра

(оформление спектаклей

«По щучьему велению»,

«Легенда горы Фудзи»);

Евгений Бражник, главный дирижер

Свердловского театра оперы и балета

имени А. Луначарского

(за спектакли «Борис Годунов»,

«Сказки Гофмана»);

Орво Бьёрнсен-младший,

актер Финского драматического театра

(исполнитель роли Кочкарева

в «Женитьбе»);

Сергей Селеменов, актер Красноярского

драматического театра

имени А. Пушкина

(исполнитель ролей Алексея

в «Кабанчике», Ивана в «Не убий»).

В отличие от прошлого года,

рассматривая творческие работы

деятели театрального искусства России,

представление на получение приза,

редакционная коллегия журнала сняла

возрастные ограничения.

В этом номере предлагаем вниманию

наших читателей

беседу с одним из призеров,

драматургом Юрием Мирошниченко.

Материалы о других лауреатах

«Приза «ТЖ»-87»

можно будет прочесть

в каждом нечетном номере журнала

за текущий год.

Редакционная коллегия, вручая награды,

желает лауреатам

новых творческих дерзаний

и плодотворного поиска.

ГЕНЕРАЛ, МАШКА, АРАП И ПЕЩЕРНАЯ БАБКА

(ИЛИ ПОРТРЕТ ДРАМАТУРГА С ДЕЙСТВУЮЩИМИ ЛИЦАМИ В КАРТИНАХ И ПУТЕВЫХ ЗАРИСОВКАХ)

Юрием Мирошниченко написано уже 10 пьес. Но рассказ о его творчестве затрудняется одним обстоятельством: как театральный драматург он пока незнаком широкому зрителю. Правда, в театральной среде, на профессиональных совещаниях и семинарах о нем давно говорили, уважаемые мастера сцены и режиссеры высоко отзывались о его произведениях, мечтали их поставить, обращались в соответствующие организации и... Все благие намерения и творческие замыслы наталкивались на мощную, глухую стену — «непроходимо!». Сейчас

брешь пробита. Его пьеса «Зверь-Машка» поставлена в двух театрах — Новосибирска и Челябинска, привлекла внимание за рубежом. Наконец-то!

Маршрут моей командировки таков: Новосибирск — Ленинск-Кузнецкий — Белово — Кемерово — Новосибирск. Столь протяженный путь связан со съемками фильма. А пока я «еду», скажу о Юрии несколько слов.

Родился он в шахтерском поселке города Кемерово. Здесь родился и здесь на шахту пошел. С 16-ти лет знакомы ее будни. После окон-

Ю. Мирошниченко Фото Г. Седова

А вот климат в Архангельской губернии не позволяет здесь жить тиграм.

Не могут тигры, климат не позволяет...

И. Е. Селиванов, самодеятельный художник (из беседы)

чания ВГИКа (где мы с ним учились, а потом, когда он приезжал в командировки в Москву, вели нескончаемые разговоры на маленькой кухне за чаем, и с тех пор я была навсегда покорена его талантом рассказчика, мечтаю, чтобы к нему пришло признание) работает он на Новосибирском телевидении. Его документальные ленты — о жизни шахтеров, которых он знает не со стороны, не из газетных вырезок, а изнутри, по имени, — привлекают внимание публицистической страстностью, «документальной» точностью в изображении среды и деталей, нетерпимостью к подделке, фальши, выпренности и пустословию.

Итак, 5 августа, Новосибирск. Юра только что вернулся со съемок на Дальнем Востоке, где побывал вместе с героем фильма Баженовым. Далее ночным поездом мы выезжаем в Ленинск-Кузнецкий, где происходят основные события фильма. По дороге Юра рассказывает:

— На шахте имени Ярославского произошло ЧП: бригада отказалась работать под началом Баженова. На своем собрании все единогласно проголосовали против него. А Баженов — один из лучших бригадиров, награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», почетный гражданин города, потомственный шахтер. Для руководства шахты это полная неожиданность, ведь на таких, как Николай Михайлович, держится план, дисциплина, ответственность. Я тут же ухватился за этот случай. Приехал, спрашиваю членов бригады, почему тридцать лет Баженов устроивал, а теперь не годится, в чем причина? И вот что интересно: о нем как о труде никто плохого слова не сказал, рабочего в нем ценят, а от его бригадирства категорически отказываются — надоело быть рабами, надоело его диктаторство, окрики, оскорбления, дело не дело — получай авансом. Раньше, говорят, терпели, время было такое, жизнь заставляла, а теперь пришла молодежь — не хочет. Баженов переживает эту ситуацию страшно, аж почернел весь. Всю жизнь отдал делу — и вот такой результат. Сам Николай Михайлович считает, что

с ним свели счеты лодыри, приспособленцы, карьеристы, воспользовавшиеся демократией. Наверное, и это есть, ведь плохих бригадиров не переизбрали, а он всегда на виду был. Но и зерно в обвинениях горняков тоже есть. Вот такая история, и конфликт в ней далеко не частный...

6 августа, Ленинск-Кузнецкий, 8 утра, съемки. Рассказывают о Баженове члены бригады, проработавшие с ним более двадцати лет. И звучат неслестные слова в адрес Баженова, слышна обида за унижения, за несправедливое отношение к своему труду: хороших показателей добивались все вместе, а награды да почести шли только бригадиру, про шахтеров никто не вспоминал...

8 часов вечера. Мы в гостях у Баженова, съемки. Юра, ведя с ним интервью, пытается повернуть своего героя к истокам его жизни. Как потом он сказал: «Хотим пробраться к нему лучшему, истинному, через все искореженное, наносное, что наплодили в нем эти годы застоя, бесправия, когда привыкли действовать только волевыми, диктаторскими приемами. Как сверху шло, так и дальше отзывалось. Вот и не заметил, как для своих же товарищей чужим стал. А ведь ему казалось, что ради них старался, ради их рубля. Но Баженов личность, уверен, найдет он в себе силы обрести свою человеческую опору. Я так и фильм хочу назвать — «Возвращение к себе».

— Юра, насколько я понимаю, и «Пещерная бабка» о том же, о возвращении к себе — о преодолении социальной озлобленности, предвзятости, о возвращении к законам народной нравственности?

Для читателей поясню сюжет пьесы. Есть у бабки сосед Бобрjak, который много причинил неприятностей и самой бабке, и другим жителям поселка. Но вот он неожиданно помер, оставив после себя жену и придурковатую дочку. Пришла бабка, отпела его по русскому обычаю, а хоронить некому — всем крепко насолил, никто из соседней не хочет, а близкие покойника сами гроб вынести не могут. И тогда бабка пошла по поселку собирать людей. Над ней смеются, что Бобрjak, мол, больше всего ей пакости наделал, а теперь она за него хлопчет. А бабка пытается объяснить, что ненависть — плохой советчик, что негоже оставлять людей в беде, забывать закон человеколюбия. Если ты человек...

— Я в «Пещерной бабке» пытался передать свою боль по Руси уходящей, — говорит Мирошниченко. — Моя пещерная бабка — последний из могикан. Но я бы не хотел, чтобы ее роль выглядела назидательной, манера ее исполнения должна быть ироничной. Я представляю в этой роли Пелтцера: и посмеяться, и колесце выкинуть, и стать грудью на защиту святых вещей.

— В бабке все же есть некоторая назидательность, она отчасти пророк, проповедник, а вообще-то ты пишешь в жанре не совсем привычном для нашей литературы, театра. Я имею в виду абсурд, при-

Ю. Мирошниченко на съемках фильма «Возвращение к себе»

митив, лубок. Почему?

— Ты же понимаешь, что манера не выбирается, форма органична фабуле, жанр тот, где автор может наиболее полно выразить свои идеи, мысли. Моя форма дает возможность говорить о вечных и святых для меня вещах.

Пришел ко мне как-то сотрудник Министерства внутренних дел, просил фильм сделать. Рассказал случай, вопиющий. Один железнодорожник отправлял сына в армию. Гости не хватило вина. Узнал он, что остановился на станции состав с вином, подходит к машинисту, просит открыть вагон. Тот отказался — вино не мое, не могу. Этот его уговаривает: ты машинист, я машинист, что же мы друг друга не поймем? А тот ни в какую, «недогадливый», уперся и все. Тогда наш имярек предупредил, что худо будет, но тот все равно отказался. И устроил папаша аварию, чуть не пустив состав под откос. Действовал вместе с сыном. Посадили его, и вместо армии парень тоже в тюрьме оказался. Я ухватился за его рассказ, но пробить сценарий не удалось — не принято было у нас тогда говорить о неблагополучном. Герои «Пещерной бабки» — это результат неудачного социального воспитания. Если человек не способен в критические минуты подняться над своей антипатией, он моральный урод. Бабка заставляет их хоронить Бобрjака, заставляет переступить через свое мелкое самолюбие, чванство, зависть, ненависть. Несмотря ни на что, делай добро. Так всегда в народе водилось.

7 августа. В 8 утра мы спускаемся в шахту. Выбор природы для очередного эпизода. Наш Вергилий — Речкин Анатолий Владимирович, начальник участка, после окончания

института работает в шахте более двадцати лет. Пока добраемся до места выработки, обсуждают они с Юрой, что у всех горняков на языке: о дугих рекордах, о фиктивных миллионерах-маяках, о неправильном распределении средств производства и поощрений, и эта подтасовка, не приносящая никому пользы — ни государству, ни рабочим, — рождает в рядовых шахтерах чувство социальной несправедливости, обрастает острыми шутками и анекдотами.

Час дня. Мы выезжаем в Белово, в гости к Ивану Егоровичу Селиванову. Жил себе человек и жил в северных краях России, работал печником, путейщиком, рисовал курочек, петушков, лошадей, кошек, людей, схожих между собой распахнуто-удивленными глазами и обретающихся в космической гармонии всего живого. А теперь его картины — национальное достояние, известны в мире. А пока едем.

— Вот ты была в первую смену, когда идут ремонтные работы и тихо, комбайн не работает. А когда все включат, запустят — все гремит, грохочет, трясется, угольная пыль летит — ад кромешный! Да не дай бог, что-то сломается — тогда на себе тащить, а все такое неподъемное! И этот труд еще тяжел тем, что в нем нет элемента творчества, однообразный, выматывающий, отчужденный от человека. И так изо дня в день. Романтики тут не вижу. Но пока не изобрели взамен чего-то другого, есть необходимость человечества в таком труде, как в хлебе, в воде, так и в тепле («тепло и свет приносят людям»). Работа в шахте — это работа мужчин. Она требует от человека максимум силы, воли, выносливости. Здесь труднее, чем где-либо, отси-

деться за чей-то счет, не прийти на выручку, иначе потом к тебе не придут. Жесткий, но справедливый кодекс моральных ценностей. Здесь действительно все люди — братья. И вот при таких тяжелых условиях люди нуждаются в ярких, сильных личностях. Я счастлив, что, когда пришел на шахту, попал в бригаду к Косте Песчанскому. У нас в шахте «Северная» падение пластов крутое, выработки мокрые, за ночь портянки не просохнут, особенно тяжело зимой. И в этой серой, тяжелой жизни такие, как Костя, необходимы. То шарж на кого-нибудь покажет, спародировать ситуацию — шутка, смех, и усталость рукой сняло. В искусстве должно быть таким, и этому я вижу его миссию: перевернуть ситуацию, дать неожиданный взгляд, столкнуть серьезное и смешное. А если нагнать, просто копировать окружающую жизнь или шутить плоско, банально, — смерть человеку.

Мы у Селиванова. Иван Егорович маленький, сухонкий, постриженный под скобку, как мастеровые, в фартучке и кирзовых сапожках. Воздушный, почти невесомый. Так и кажется, что повернется он, а у него за спиной крылышки, и не пойдет он, а вспорхнет над землей. Как будто он из сказки, из легенды о лесовичках и духах. Говорил он о том, что волнует каждого художника, — про природу, зверей, искусство, творческие муки. Про разрыв между человеческим равенством и техническим прогрессом изложил Иван Егорович свои мысли. Но быстро устал — почтенный возраст да здоровье не позволяют долго принимать гостей.

6 часов вечера. Из Ленинска междугородным «Икарусом» отправляемся в Кемерово.

— Юра, чем тебя так притягивает творчество Селиванова? Прими-тив, лубок, в чем, на твой взгляд, сегодня его художественная ценность?

— Существует высокая литература, — Достоевский, Лесков, Гоголь, Булгаков, Маркес... Но рядом с высокой литературой существует фольклор — народные предания, сказки, пословицы, поговорки, в которые народ вкладывал, оттачивая веками, свои мысли, опыт, наблюдения, которые потом философы и художники развивали. Федор Михайлович Достоевский любил записывать народные пословицы, знал многие наизусть, потому что в них та же высота, космос. И у Селиванова в этом же роде — просто и космос. Булгаков говорил, что оригинальное искусство и литература рождаются не на классике, а на ее заготовках. Когда я поступил во ВГИК, поехал в Переделькино к Леониду Максимовичу Леонову. Знаком не был, как провинциал, бесхитростно — очень любил его произведение, особенно «Метель», — захотел его увидеть, поговорить. Он меня сначала спросил, а не привез ли я ему рукопись читать? Сказал, что нет, и пообещал рукописи ему никогда не присылать. Тогда он успокоился, принял меня. Я был потрясен тем, как говорит Леонид Леонов, архитектурной его речи, своеобразием выраженной

